

Helena Krasowska

Institute of Slavistics, Polish Academy of Science

Warsaw, Poland

bukowiniana@wp.pl

<https://orcid.org/0000-0003-0904-5814>

Многоязычие добровольное, естественное или принудительное. Поляки в Кишиневе

Резюме. В статье описываются разные виды многоязычия поляков в Кишинёве. Автор приходит к выводу, что *добровольное* многоязычие у поляков в Кишинёве было вызвано несколькими факторами, в первую очередь, было инспирировано языковой политикой, реализованной в школьном обучении, в администрировании. Поляков Кишинёва характеризует также *естественное* многоязычие, возникшее вследствие смешанных браков. У поляков Кишинёва мы сталкиваемся и с разновидностью *навязанного* многоязычия, когда власти ввели молдавский язык в школы, государственно-административные учреждения, но ведь и русский язык был навязан, о чём упоминают респонденты. В итоге возник языковой конфликт не только в Кишинёве, но и в Республике Молдова в целом. Языковой конфликт является, таким образом, следствием политических конфликтов в государстве.

Ключевые слова: многоязычие; добровольное многоязычие; естественное многоязычие; навязанное многоязычие; поляки; Кишинёв; двуязычие; языковой конфликт; Республика Молдова.

Multilingualism Voluntary, Natural or Forced. Poles in Chişinău

Abstract. The article describes different types of multilingualism among Poles in Chişinău. The author comes to the conclusion that the voluntary multilingualism among the Poles in Chişinău was caused by several factors. First of all, it was in-

spired by the language policy implemented in school education and administration. The Polish community in Chişinău represents the natural multilingualism that arose as a result of mixed marriages. Among the Poles of Chişinău, we also encounter a kind of imposed multilingualism, when the authorities introduced the Moldovan language into schools and state-administrative institutions, but the Russian language was also imposed, as mentioned by the respondents. As a result, a language conflict arose not only in Chişinău, but also in the Republic of Moldova as a whole. The language conflict is thus a consequence of political conflicts in the state.

Keywords: multilingualism; voluntary multilingualism; natural multilingualism; imposed multilingualism; Poles; Chişinău; bilingualism; language conflict; Republic of Moldova.

Итогом изучения языка поляков в Республике Молдова после 1990 года стало появление нескольких монографий и статей, среди которых значимое место занимают работы Елены Палинчук-Дудэк (Palinciuk-Dudek, 2011) и Регины Богущкой-Лебедь (Bogucka-Lebiedz, 2003; 2001, с. 25–48; 2007, с. 1–2). Языковеды проводили также исследования по вопросам обучения польскому языку в Молдове, об этом, в частности, писал Ян Мазур (Mazur, 1995, с. 201–215) и Камиля Квятковска (Kwiatkowska, 2015, с. 329–345). Языковая ситуация в Молдове остается, в целом, сферой для научных изысканий. В настоящей статье принята попытка представить проблематику, касающуюся двуязычия и многоязычия поляков, проживающих в столице Республики Молдова – городе Кишинёве. Конечная цель её – ответ на вопрос, является ли многоязычие поляков в Кишинёва естественным, добровольным – или всё же навязанным?

Специфика современной Республики Молдова как государства требует, однако, беглой зарисовки судеб проживавших там в разные периоды истории поляков. Начало польско-молдавских контактов можно отыскать со времён правления Казимира Великого, короля Польши в 1333–1370 гг. Рубеж XVI и XVII веков был временем явного польского влияния в Молдавском княжестве. Этому решительным образом способствовал Иеремия Мовилэ, господарь Молдавского княжества в 1595–1600 и 1600–1606 гг., посаженный на трон в 1595 году при посредничестве гетмана Яна Замойского (*1542 – †1605). Связи с Польшей он укрепил благодаря семейным связям, поскольку четыре своих

дочери выдал замуж за членов великих польских родов магнатов – Вишневецкого, Корецкого, Потоцкого и Пшерембского.

В 1632–1648 годы, в период правления Владислава IV, с польской стороны вновь возрос интерес к Молдове. Король Владислав IV привлек к своим планам подготовки войны против Турции и господаря Молдавского княжества Василе Лупу (1634–1653), воспользовавшись супружеством дочери князя и Януша Радзивилла. Вторая дочь правителя Молдовы стала женой Тимофея Хмельницкого, сына Богдана Хмельницкого. Однако военные планы польского короля рухнули вследствие смерти Владислава IV. Несмотря на это, Василе Лупу продолжал вести пропольскую политику, и в 1651 году молдавский отряд принимал участие в битве поляков с казаками под Берестечком.

В XX веке, северная часть Молдавского княжества, известная после 1775 г. как Буковина, опять стала предметом территориального трансфера, так как в июне 1940 года министр иностранных дел СССР В. Молотов вручил послу Румынии в Москве ноту, с содержащейся в ней просьбой, от которой «нельзя было отказаться», «возвратить» Бессарабию и северную Буковину. 2 августа 1940 г. Москва провозгласила образование Молдавской ССР в статусе советской республики. Северная Буковина и южная Бессарабия были включены в состав Украинской ССР (Koseski, 2000, с. 19). По решению Президиума Верховного Совета СССР, все жители вновь образованной советской республики стали называться молдаванами по национальности, а язык, на котором они общались, был переименован из румынского в молдавский. В 1991 году, в результате распада Советского Союза Молдавская ССР стала независимой страной – Республикой Молдова.

Территория сегодняшней Республики Молдовы в ходе исторических событий неоднократно изменялась. В связи с вышесказанным, польская история и польские поселения на этих землях являются уникальными. Согласно дипломатическогoпредставительства, число поляков в Молдове составляет четыре тысячи человек. Поляки входят в организации, деятельность которых осуществляется в соответствии с молдавским законодательством, одновременно являясь визитной карточкой польского государства. Это – пионеры распространения в Молдове польской культуры, популяризации польского языка и литературы.

В столице Молдовы, городе Кишинёве, в 2014 году проживало 674,5 тысяч человек¹, в том числе 786 поляков (Palinciuk-Dudek, 2011, с. 28). После 1991 года в стране стало возможным возрождение всех групп национальных меньшинств. Поляки начали объединяться в организации, которые вели обучение польскому языку. Жители Кишинёва также получили возможность изучать польский язык. Таким образом, польский язык изучают в лицее им. Николая Гоголя, его преподают в Молдавском государственном университете. В университете, на факультете иностранных языков и литератур с 1998 года работает Центр польского языка и культуры. Польскому языку обучают также в Международном независимом университете Молдовы. Занятия проводятся в вечерние часы как факультативные. Уроки польского языка в обоих университетах ведёт преподаватель из Польши, направленный туда на работу Министерством науки и высшего образования. При общественной организации «Польская весна в Молдавии» работают также курсы польского языка для граждан польского происхождения. В Кишинёве польский язык не практикуется в качестве семейного и как язык общения между соседями.

Польский язык используется в трех кишиневских римско-католических приходах. Регулярно на польском языке проводятся богослужения в будние и воскресные дни в Кишиневском римско-католическом кафедральном соборе «Божественного Провидения». Здесь, помимо польского, литургии отправляются на румынском, русском языках и один раз в неделю – на английском языке. Приход при кафедральном соборе в настоящее время насчитывает более пятисот верующих. В приходе «Мария помощница христиан» воскресные мессы помимо румынского и русского служатся и на польском языке, а в приходе «Святой Алоиз Скросоппи» богослужения на польском языке бывают реже².

Кишинёв – многоязычный и многокультурный город. В общественном транспорте, на улице, в магазинах переплетаются литературный румынский язык, его различные говоры, преимущественно молдавский, а также русский, гагаузский, болгарский и другие языки, образуя некий языковой феномен. До недавнего времени, по Конституции, официаль-

---

¹ *Numărul populației stabile al Republicii Moldova la 1 ianuarie 2014, în profil teritorial* (<http://www.statistica.md/newsview.php?l=ro&idc=168&id=4347&parent=0>, 29.03.2016).

² Сведения курии Кишиневской Римско-Католической епархии на 29 апреля 2016 года.

ный язык Республики Молдова назывался молдавским, однако, по решению Конституционного Суда Республики Молдова, принятого в декабре 2013 года, официальным языком в стране признан румынский язык, вернее судебная инстанция признала тождество двух наименований одного языка. Под старым названием молдавского языка, сохраняя правописание русскими буквами как в советский период, румынский язык номинально сохраняет статус официального языка, вместе с русским и украинским, и в сепаратистском регионе молдавского Приднестровья, однако на самом деле полностью доминирующим на левобережье Днестра является русский.

Общественная, историческая и административно-государственная ситуация имеет непосредственное влияние на обретение языка/языков и на многоязычие говорящих. Место рождения, состав семьи, а значит, язык матери и отца, далее язык школы и госадминистрации, даже язык улицы (игры с детьми) – всё это оказывает влияние на способность говорить на двух или более языках.

Материал для последующего анализа был собран в ходе полевых исследований в Кишиневе людей, объявивших себя поляками. С помощью метода лингвистической биографии было собрано 25 интервью (Krasowska, 2022, с. 13–14). Среди респондентов есть мужчины и женщины, родившиеся в селах и городах. Интервью за 2015 год выбраны намеренно, и показаны только заявления избранных людей (Krasowska, 2018, с. 25–45).

В анализе этого вопроса важно обратить внимание на возрастную дифференциацию и указание места рождения опрашиваемой группы населения. Мы выделяем, таким образом, три возрастные группы: *старшее* поколение (т. е. родившихся в 1929–1945 гг.), *среднее* (1945–1975 гг.) и *молодое* (1975–1990 гг.). Такое разделение необходимо, учитывая суть и различия социолингвистических предпосылок, касающихся отдельных поколений. В частности, от места рождения информанта зависит степень употребления им польского языка и степень его билингвизма. Фактор же переселения отражается на том, когда и какие языки входили во взаимодействие и на какой период времени.

Явление билингвизма – это общий аспект национальных и этнических исследований, как в Польше, так и во всём мире. По определению Уриэла Вайнрайха, билингвизм есть практика попеременно-

го использования двух языков. Поочерёдное употребление человеком двух языков позволяет охарактеризовать его как двуязычного (Вайнрайх, 1979, с. 22). У. Вайнрайх также утверждает, что билингвизм возникает, как при наличии двух генетически связанных между собой языков, так и при наличии подсистем одного языка (Вайнрайх, 1979, с. 23). Различают следующие типы билингвизма: территориальный (существование различных языков на одной территории); общественный (бытование нескольких языков в отдельном сообществе на единой территории); институциональный (присущий международным институциям) (Dzięgiel, 2003, с. 65). Каждый из перечисленных типов может быть однородным либо иерархизированным, а иерархизированный и институционализированный общественный билингвизм обозначается термином диглоссия. С этим явлением мы сталкиваемся тогда, когда два уровня – высокий и низкий – одного и того же языка используются в различных ситуациях общественной жизни всего населения. Высокий уровень характеризует язык официальный, литературный, религиозный, низкий же – язык разговорный, обыденный, неофициальный. Функциями обоих уровней наделены разные языки (Bednarczuk, 1987, с. 3–4). Изучая проблематику двуязычия, следовало бы более разносторонне учитывать общественный контекст существования билингвальных индивидуумов и групп. Эва Липиньска, характеризуя это явление, пишет: «Об общественном билингвизме говорят, имея в виду две относительно самостоятельные группы, находящиеся в контакте на общей территории их деятельности. Здесь важную роль играют такие факторы, как численность населения, экономические и общественные условия, вероисповедание, культурные и психические особенности, а также языковая политика, ведущая к созданию ситуации, близкой к равновесию» (Lipińska, 2003, с. 100). При индивидуальном двуязычии, как замечает исследовательница, следует дополнительно принимать во внимание такие аспекты, как происхождение, компетентность, функции (употребление) и установку в отношении внутренней и внешней самоидентификации личности. В естественных условиях оба типа билингвизма (коллективный и индивидуальный) зависимы друг от друга, поскольку жизнедеятельность и коммуникативное функционирование двуязычного общества является следствием индивидуального билингвизма его членов. Билингвизм неизбежен для индивида, желающего полноценно участвовать в коммуникатив-

ной деятельности в рамках такого общества (Woźniakowski, 2003, с. 5). Билингвальным можно признать человека, который владеет двумя языками в равной мере и на одном уровне знания систем языка, используемых в официальных и частных обстоятельствах, то есть способность говорить на обоих языках автоматически и свободно на любую тему, в любой ситуации – так, чтобы возникало впечатление, что у говорящего два родных языка (Mindak, 1983, с. 204–209).

Двуязычие бывает естественным, добровольным либо навязанным. Казимеж Фелешко определяет это двуязычие таким образом: «Естественный билингвизм может быть, в свою очередь, следствием смешанных браков, проживания в многоязычной местности или же в непосредственной близости от иноязычной области. *Добровольное* двуязычие – результат индивидуального волевого акта познания языков других групп населения, проживающего в данной стране. В какой-то мере он может быть инспирирован языковой политикой школьного образования, дающего возможность добровольного изучения другого языка страны тем ученикам, которые вне школы лишены таких возможностей. До *навязанного* двуязычия доходит в результате насильственного давления со стороны государства, применённого против воли подавляемых им групп меньшинств с целью искоренения исконного языка этих сообществ, по крайней мере, из внесемейных сфер жизни» (Feleszko, 2002, с. 102).

Проблематика билингвизма, как натурального, так и добровольного и навязанного, находит отражение в материалах, собранных в ходе исследования его на территории Молдовы в Кишинёве. Наши польские респонденты активно пользуются двумя языками –русским и румынским (молдавским). Статус польского языка здесь определённо ниже. В связи с этим, можно говорить не о двуязычии, а о триязычии поляков на этой территории. Описание модели становления и пребывания в качестве многоязычных представителей нескольких возрастных категорий неодинаков и зависит от принадлежности, к возрастной группе, от места рождения и от престижа языка в разные периоды жизни его пользователя.

Большинство моих информантов **старшего поколения** были с самого рождения **двуязычными**, а по мере взросления стали многоязычными. В качестве примера представлю польку, родившуюся в 1929 году в Кишинэу. Беседа велась на русском языке, поскольку, как она сама

заметила, по-польски ей говорить трудно. Дома наша героиня редко разговаривала с матерью по-польски, а чаще, как и с отцом по-русски. Очевидно, первые произнесённые ею слова были и на польском, и на русском языке. Окружение ребёнка было тогда также двуязычное русско-польское. Вот как она сама рассказывает: «Моя мама была полька, она разговаривала и читала на польском языке, а отец был русский. Я училась в четырёхклассной польской школе при кишиневском костеле. Все предметы нам преподавали на польском языке, конечно, кроме румынского языка. Я хорошо знала польский язык. Школьные праздники, театральные спектакли, песни и святые мессы в костеле проводились только на польском языке. На этом языке мы разговаривали между собой в школе. Помню, как мы собирались во дворе костела и, чинно парами взявшись за руки, шли на богослужение. Тихо сидели на первых скамьях. Дома мы всегда говорили на русском языке, т. к. папа не знал польского. Общение в семьях моих подруг тоже было на русском языке. В этот период меня окружала польско-русская языковая среда. Весной 1940 г. я окончила школу и для дальнейшего обучения сдала документы в румынскую гимназию. Потом пришла советская власть.» (женщина, год рождения 1929, записано в 2015 г.).

Этот период респондентка описывает и во воспоминаниях, опубликованных в 2007 году. «Осенью 1936 г. я переступила порог первого класса польской начальной школы, которую успешно (получая первую премию все четыре года) закончила в 1940 г. Годы учёбы в польской школе оставили неизгладимую память на всю жизнь. Нашими учительницами были добрейшие пани Флорентина Винковская и Ядвига Бискуп (жена директора школы) и учительница румынского языка (имя её, к сожалению, не сохранилось в памяти). Она за годы учёбы обучила нас румынскому языку настолько хорошо, что трудностей при учёбе в румынской гимназии не возникло» (Sobolevskaia-Maksimenko, 2007, с. 346).

К польско-русскому двуязычию, которым респондентка пользовалась в детстве, добавился румынский язык, который она учила в польской школе. Из этого высказывания следует, что польский был основным языком обучения в четырёхлетней школе, а румынский был языком дополнительным и обязательным. Воспоминания детства и школьных лет до сих пор респондентка приводит с волнением. «Годы учёбы в польской школе были незабываемыми счастливыми годами

детства, вскоре так внезапно прерванные событиями июньских дней и последующих военных лет» (Sobolevskaya-Maksimenko, 2007, с. 347).

Исторические события в Молдове и в Кишинёве привели также к изменениям в системе школьного обучения. В 1940 году родители респондентки планировали отдать ребёнка в румынскую гимназию. В результате политических изменений «в сентябре вместо первого класса румынской гимназии, в которую родители предполагали отдать меня учиться, я очутилась опять в четвёртом классе, но уже русской школы. Повторить четвёртый класс пришлось из-за неумения читать и писать по-русски» (Sobolevskaya-Maksimenko, 2007, с. 347). Вскоре вернулась румынская администрация. В связи с этим «До 1944 г. я училась в румынском лицее «Regina Elena» (Sobolevskaya-Maksimenko, 2007, с. 348). Мы учились на румынском языке. В польской школе мы хорошо знали румынский язык, и нас приняли в румынский лицей. Это ещё до войны нас приняли» (женщина, год рождения 1929, записано в 2015 г.). После окончания второй мировой войны героиня рассказа начала учёбу в молдавской средней школе. Языком обучения был молдавский язык (т.е. румынский язык в русской графике – *прим.* авт.). Дома говорили на русском языке, с подругами на русском и польском языках. А после войны я окончила молдавскую школу (женщина, год рождения 1929, записано в 2015 г.). Из воспоминаний: «...Поступила в 7-й класс женской молдавской средней школы № 1. С 1945 по 1949 год я училась в средней школе, где преподавали на молдавском языке» (Sobolevskaya-Maksimenko, 2007, с. 349; женщина, год рождения 1929, записано в 2015 г.). По окончании средней школы респондентка начала учёбу в Кишиневском государственном университете. «но уже на русском языке. Трудно было, терминология таких предметов как физика, химия была не знакома, очень трудно было разобраться» (женщина, год рождения 1929, записано в 2015 г.). После окончания респонденткой университета в семье рассказчицы говорили по-русски, а сына она отдала в школу с преподаванием на молдавском языке. И считает, что очень хорошо, что сын двуязычный – русско-молдавский. Внуки тоже двуязычные по речи.

На мой вопрос: «А молдавский язык какой, это – румынский?» – респондентка отвечает: «Практически румынский. Общение молдаван и румын не требует помощи переводчика. Дискуссия на тему «как называть язык», на котором мы, граждане Молдовы, говорим – молдав-

ским или румынским – продолжается уже не одно десятилетие, и из области языкознания перешла в область политики. В период 1918–1940 гг., когда Бессарабия входила в состав Королевской Румынии, а обучение в школах и лицеях велось на румынском языке, письменность была основана на латинском алфавите. В советский период язык не изменился, но изменилась письменность: латинский алфавит был заменен на кириллицу. В 1945–1949 гг. я училась в молдавской средней школе № 1, все учебники печатались с использованием кириллицы. В 90-х годах, когда в молдавских школах и лицеях обучались уже мои внуки, кириллица опять была заменена на латиницу. В Бессарабии проживали люди многих национальностей, никто не спрашивал, кто ты такой. А сейчас идёт выбор между молдаванами и русскими» (женщина, год рождения 1929, записано в 2015 г.).

В ходе беседы респондентка переключала языковые коды свободно и естественно, выбирая, однако, главным для разговора язык – русский. Отношение к польскому языку скорее сентиментальное, как языку своей национальности, она считает себя и по документам является полькой. Она также определяет его как язык пения в костёле. В настоящее время предпочитает церковное песнопение на русском языке. Отношение респондентки к русскому языку положительное, так как с детства этот язык чаще всего употреблялся в её среде. От семейного окружения до студенчества и административной сферы. Отношение к румынскому (молдавскому) языку также положительное, поскольку, считает респондентка, каждый гражданин данного государства обязан знать свой государственный язык. Это утверждение неверно. Советская администрация навязывала исключительно русский язык. Выбор румынского языка образования в немолдавских семьях чаще всего был связан с высоким уровнем образования родителей, которые хотели, чтобы их дети знали не только русский.

Среднее поколение опрошенных респондентов можно признать **триязычным**. Родом они из разных местностей, таких как села Стырча и Стэучень, города Бэлць, Рыбница, Кишинэу. Многоязычие отдельного индивида зависит, кроме того, от времени и места рождения, а также домашнего языка/языков, то есть от первичного языка. Собранный материал позволил мне провести следующий анализ. Большинство респондентов родилось в семье, где с детства разговаривали только по-русски. Некоторые респонденты помнят от своих бабушек

слова на польском языке, напр.: *lustro, patelnia, szybko, modlitwa, kościół* и т. д. «Когда я был маленький, всегда говорили по-русски. Дома с бабушкой и с мамой всегда по-русски. С детьми на улице и с детьми у соседей всегда по-русски. Такое прекрасное детство. Ну, польский я слышал, но в молитве. Польский в Молдове это, можно сказать, язык литургии и молитвы так больше. Бабушка не говорила много по-польски, а молитвы – всегда только на польском языке. Столько людей в Молдове, которые являются поляками, польский для них это язык литургический. То есть молитва, священное богослужение – всё по-польски, а говорят по-русски» (мужчина, год рождения 1975, записано 2015)³.

Следующая респондентка вспоминает, что дома говорили на смешанном языке, а именно на русско-украинско-польском. Такую речь называли **стырчанским языком** «*styczańską mową*». «Бабушка говорила на смешанном украинско-русском языке. А читали на польском, и бабушка, и дедушка, ходили в костёл. Мама моя с тридцать четвёртого года рождения, польский язык знала плохо. Они уже все говорили по-русски, учились на румынском языке до 1940 года, а после опять на русском. И моя мама плохо знала польский язык. Дома уже по-русски разговаривались⁴ мы» (женщина, год рождения 1974, записано 2015). Респонденты вспоминали язык своих бабушек и дедушек, т. е. их первый язык, на котором сами не разговаривали. «Стырча это самое-самое. Бабушка говорила на польском языке, но скорее на смеси украинского, русского, польского языков. Мы говорим «стырчанский язык». В Кишиневе вы услышите разные языки» (женщина, год рождения 1974, записано 2015).

Запомнили лишь, как было тогда в их окружении, но сами они не знали ни польского, ни украинского языков. Большинство моих респондентов общались дома на русском языке, и подтверждают – родители говорили только по-русски. «Дома да, с детства только на русском,

---

³ Оригинальный текст на польском языке (цитируем автора рассказа дословно): «Kiedy byłem mały zawsze mówili po rosyjsku. Doma z babuszką i s mamą zawsze po rosyjsku. Z dziećmi na ulicy i dziećmi u sąsiadów zawsze po rosyjsku. Takie piękne 'piękne' dzieciństwo. Nu polski ja słyszał 'słyszałem', no molitwy 'modlitwy'. Polski to w Mołdawii można skazać 'powiedzieć' to język liturgii i molitwy tak więcej. Babcia nie mówiła dużo po polsku, a molitwy zawsze. Tyle ludzi w Mołdawii, którzy są Polakami, język polski dla nich to język liturgiczny. To jest molitwa, msza święta 'święta', wszystko po polsku a mówimy po rosyjsku» (интервью 2015 г.).

⁴ Измененное польск. 'rozmawialiśmy'.

родители уже не знали польского языка, они везде уже на русском говорили, мы тоже и дома, и в садике, и с соседями. Скрывали, что мы поляки, советское время было. Молились родители на польском языке, но как – я не знаю. Я недавно в костёл пришла и хожу на богослужение на русском языке» (женщина, год рождения 1974, записано 2015).

Респонденты ходили в школы с русским языком обучения. В школе учили также и молдавский язык. Его осваивали также на улице, играя с соседскими детьми. На вопрос, что это за язык – молдавский, в ответ я услышала: «Это румынский язык, который пишется русскими буквами. Мы знаем молдавский, ещё можно сказать, что это диалект румынского языка. Практически это румынский язык, но «советы»⁵ для личного пользования ввели кириллицу, и из румынского языка искусственно возник молдавский. Понятно, что нельзя записать (передать), как следует, с латиницы, к тому же создавали этот язык политики, не знающие основ языка, и потому новый молдавский язык оказался искусственно созданным. Так я писала по-молдавски, но это был кошмар. Предпочитала всё-таки писать по-русски. А теперь в моём возрасте, около 40 лет, говорят два слова по-русски, два по-румынски, и это уже «молдавский». Это страшно, что власти способны сотворить, и как общество сейчас говорит» (женщина, год рождения 1974, записано 2015)⁶.

Результатом очередного накопления языкового и культурного опыта исследуемых поляков в Кишиневе является учёба в вузе. Один из респондентов получил высшее образование в Румынии на румынском языке, остальные в Молдове – на русском языке в постоянном сочетании его с румынским. «Во время учёбы в Румынии на мой румынский странно как-то смотрели, и не понимали, откуда такой язык, потом так и говорили, что это диалект. Я румынский выучил, много читал и выу-

---

⁵ «Советы» – советская власть.

⁶ Оригинальный текст на польском языке: «To jest język rumuński, ale pisany ruskimi bukwami. My znamy mołdawski, można jeszcze powiedzieć, że to jest dialekt języka rumuńskiego. To praktycznie jest język rumuński, ale sowieci na własny użytek wprowadzili cyrylice, i z rumuńskiego zrobili sztucznie mołdawski język. Wiadomo, że nie można zapisać tak jak trzeba z łaciny w dodatku tworzyli ten język politycy, nie mające podstaw językowych i w związku z tym nowy mołdawski język okazał się sztucznym tworem. Tak ja pisała po mołdawsku, ale to był choror. Wołałam jednak po rosyjsku pisać. A teraz w moim wieku nu tam około 40 lat, mówią dwa słowa po rosyjsku, dwa po rumuńsku i to już jest mołdawski. To straszne co władza potrafiła stworzyć i jak teraz społeczeństwo mówi» (интервью 2015 г.).

чил, сейчас пользуюсь румынским литературным языком, говорю также по-молдавски. Когда мне не хватает слова, вставляю там русский, потому что знаю его, наверное, лучше всего» (мужчина, год рождения 1975, записано 2015)⁷.

Другие респондентки окончили русскоязычные вузы, румынский язык знают благодаря месту своего происхождения. Межнациональным языком общения в Кишиневе является русский язык, который я скорее назвала бы языковой разновидностью русского языка. Респондентки понимают, что и бытовой румынский (называемый и молдавским) язык – это, скорее, говор, а не литературный румынский язык. Эти женщины дома разговаривают с детьми и по-русски и по-румынски. Я слышала речь трёхлетнего ребёнка, который чередует русские и румынские слова, но также допускает смешение языков в одном предложении и одной лексеме. Он способен также перевести с одного языка на другой. На просьбу «*vă rog de apă*» ответил: «дать воды». Среднее поколение выучило польский язык по причине польского происхождения. «Моя бабушка была полькой и говорила по-польски, а мама уже нет, потому что не было возможности. Я хотел выучить и выучил. Польский язык нужен мне и для работы, но и очень хотелось его выучить. Не так уж хорошо знаю его, но читаю и говорю» (мужчина, год рождения 1975, записано 2015)⁸.

Отношение к польскому языку у поляков среднего поколения положительное. У этого поколения польский – язык приобретённый (выученный). Это также фактор национальной самоидентификации, «я полька – значит, должна знать польский язык», говорят поляки. Отношение к русскому очень позитивное. Респонденты считают, что это их первый язык, который усваивали дома от родителей, а кроме того, это язык школы и вуза. Это язык их естественного общения. Отношение к молдавскому языку тоже положительное, но с оговоркой, что это

---

⁷ Оригинальный текст на польском языке: «Na studiach w Rumunii dziwnie trochę patrzyli na mój język rumuński, i nie widzieli skąd taki język, potem tak i mówili, że to dialekt. Nauczył się ja rumuński, dużo czytał ja i się nauczył, teraz używam literackiego języka rumuńskiego, mówię też po moldawsku. Ja brakuje mi słowa to wkładam tam rosyjski, bo chyba ten znam najdobrze» (интервью 2015 г.).

⁸ Оригинальный текст на польском языке: «Moja babcia była Polką i mówiła po polsku, a mam już nie, bo nie było możliwości. Ja chciałem się nauczyć i nauczyłem się. Język polski jest potrzebny mi i do pracy, ale bardzo chciał ja się nauczyć. Nie znam tak dobrze, ale czytam i mówię» (интервью 2015 г.).

язык, навязанный им советской властью. В настоящее время при сохранении за русским языком статуса языка межнационального общения респонденты и к румынскому языку относятся позитивно, так как это литературный язык, притом государственный язык страны.

Молодое поколение поляков в Кишиневе двуязычное. Превалирует мода говорить на румынском языке, что означает также принадлежность к западной культуре, поскольку Румыния это государство, входящее в Евросоюз. Поколение неохотно пользуется русским языком, который оно считает языком власти, коммунизма, «языком зла». Польский язык изучают на различных курсах и относятся к нему положительно. Считают также, что это язык их молитвы. «Я учу польский, потому что люблю ходить в костёл, когда на польском языке идёт богослужение. Люблю молиться на польском языке и петь костельные песни» (женщина, год рождения 1980, записано 2015)⁹.

Молодое поколение смотрит в направлении запада и для изучения иностранных языков чаще всего выбирает польский и английский. Молодёжь редко говорит по-польски, лишь охотно учит язык. Исключения составляют те, которые учатся в Польше.

Среди опрошенных старшего, среднего и молодого поколения поляков на территории Кишинева мы отмечаем **пассивный билингвизм**. Он проявляется в том случае, если данная группа людей не владеет другим языком, но лишь понимает его. Сюзанн Ромейн такую ситуацию определяет как *passive* или *receptive bilingualism* (Romaine, 1989, с. 10). Пассивный билингвизм имеет место во всех возрастных группах опрошенных. Информанты утверждают, что зная русский язык, не имеют проблем с пониманием польского, и наоборот.

Из опросов, проведённых, прежде всего, среди городского населения, следует, что информанты, оказавшиеся в Кишиневе, а ранее знавшие польский язык, весьма быстро заменяли его русским языком. Многоязычие в столице Молдовы формировалась под влиянием многих разнородных факторов. К ним относятся как географическое положение региона, так и пришлый характер различных этнических и национальных групп, которым в СССР официально навязывался русский язык. Бесспорно, интенсивный контакт с этим языком был, и далее

---

⁹ Оригинальный текст на польском языке: «Uczę się polskiego, bo lubię chodzić na msze do kościoła, jak na polskim języku jest msza. Modlić się lubie na polskim języku i śpiewać pieśni kościelne» (интервью 2015 г.).

остаётся, связан с мнением о русской культуре как о высшей культуре. Долгое время русский язык был наделён высочайшим престижем. Респонденты проявляли гораздо большую ориентированность в достижениях русской культуры, нежели в румынской или местной молдавской. Доминированию русского языка благоприятствовали также смешанные браки, рассеянное расселение.

Агнешка Гарболиньска, которая пишет о языке и национальном самосознании кишинёвской интеллигенции, обращает внимание на то, что «родной язык имеет большое значение при определении национальной самоидентификации Молдовы. Признание румынского языка своим родным часто имплицитно выражает чувство принадлежности к области румынской национальной общности. В случае с гражданами говорящими на русском языке такая зависимость, разумеется, отсутствует. По моему мнению, существование молдавского языка является, прежде всего, эффектом политических игр, однако же, язык этот функционирует в сознании многих граждан Молдовы. Советский эксперимент удался, и действительно возник молдавский народ и молдавский язык. Эти процессы происходили в течение почти пятидесяти лет и их не так легко обратить вспять. Отсюда, по отношению ко многим молдаванам можно говорить об отсутствии точно выраженной национальной самоидентификации» (Garbolińska, 2007, с. 147). Быть может, поиски польских корней молодёжью – результат уточнения своей национальной идентификации вне схемы молдаванин-румын-русский-украинец.

Подытоживая, следует сделать вывод, что поляки в Кишиневе многоязычны. *Добровольное* многоязычие было вызвано несколькими факторами, в первую очередь, было инспирировано языковой политикой, реализованной в школьном обучении, в администрировании. Поляков Кишинева характеризует также *естественное* многоязычие, возникшее вследствие смешанных браков. Мы сталкиваемся и с разновидностью *навязанного* многоязычия, когда власти ввели молдавский язык в школы, государственно-административные учреждения, но ведь и русский язык был навязан, о чём упоминают респонденты. В итоге возник языковой конфликт не только в Кишиневе, но и в Республике Молдове в целом. Языковой конфликт является, таким образом, следствием политических и этнических конфликтов в государстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bednarczuk, L. (1987). Problem substratu w teorii kontaktów językowych. In: A. Pohl, & A. De Vincenz (Eds.), *Deutsch-Polnische sprachkontakte*. Köln–Wien.
- Bogucka-Lebiedź, E. (2003). Historyczny zarys dziejów polskiej mniejszości narodowej w Mołdawii. *Zeszyty Naukowe Koła Wschodnioeuropejskiego Stosunków Międzynarodowych*, 2.
- Bogucka-Lebiedź, R. (2001). O mowie ludności polskiej w Bielcach na obszarze Mołdawii. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 37, 25–48.
- Dzięgiel, E. (2003) *Polszczyzna na Ukrainie. Sytuacja językowa w wybranych wsiach chłopskich i szlacheckich*. Warszawa.
- Feleszko, K. (2002). *Bukowina moja miłość: Język polski na Bukowinie Karpackiej do 1945 roku*. Vol. 1. Warszawa.
- Garbolińska, A. (2007). Limba Noastra – język i świadomość narodowa. Wizja inteligencji z Kiszyniowa. *Etnografia Polska*, 51 (1–2).
- Koseski, A. (2000). W kręgu Bukowiny. In: *O Bukowinie. Razem czy oddzielnie?* Warszawa–Piła, 14–22.
- Krasowska, H. (2018). Wielojęzyczność Polaków Mołdawii. *Romanoslavica*, 54 (2), 35–45.
- Krasowska, H. (2022). *Polacy między Donem, Dniestrem a Prutem. Biografie językowe*. Warszawa.
- Kwiatkowska, K. (2015). Język polski w republice Mołdawii – stan obecny, potrzeby, perspektywy. In: I. Zabolotnaia, & L. Czamańska (Eds.), *Polacy w Mołdawii: Historia i współczesność. Zbiór artykułów i dokumentów*. Kiszyniów, 329–345.
- Lipińska, E. (2003). *Język ojczysty, język obcy, język drugi: Wstęp do badań dwujęzyczności*. Kraków.
- Mazur, J. (1995). Nauczanie języka polskiego w Mołdawii: Stan i perspektywy. In: E. Walewander (Ed.), *Polacy w Mołdawii*. Lublin, 201–215.
- Mindak, J. (1983). O bilingwizmie i interferencji w opracowaniach polonistycznych ostatnich lat. *Język Polski*, 62 (3), 204–209.
- Numărul populației stabile al Republicii Moldova la 1 ianuarie 2014, în profil teritorial*. <http://www.statistica.md/newsview.php?l=ro&idc=168&id=4347&parent=0> (29.03.2016).
- Palinciuk-Dudek, E. (2011). *Nazwiska i imiona Polaków z Kiszyniowa i okolicy w XIX i XX wieku*. Kraków.
- Romaine, S. (1989). *Bilingualism*. Oxford.
- Sobolevskaia-Maksimenko, E. (2008). Iz zhizni pol'skoy sem'i v Bessarabii. *Analecta catholica*, 3.
- Vainraikh, U. (1979). *Yazykovye kontakty* (transl. by Yu. Zhluktenko). Kyiv [Вайнрайх, У. (1979). *Языковые контакты* (пер. Ю. Жлуктенко). Киев].
- Woźniakowski, W. (1982). *Glottodydaktyka w świetle zjawiska bilingwizmu naturalnego*. Wrocław.

Данная публикация софинансирована из госбюджета Республики Польша в рамках программы, осуществляемой Министерством науки и высшего образования «Национальная программа развития гуманитарных наук», № проекта 11Н 20 0363 881.

Publikacja dofinansowana ze środków budżetu państwa w ramach programu realizowanego przez Ministra Nauki i Szkolnictwa Wyższego pod nazwą „Narodowy Program Rozwoju Humanistyki”, nr projektu 11Н 20 0363 881.